

терины. Но, по обстоятельствамъ дѣла и условіямъ обстановки русскаго двора выходить, что инициатива знаменитой брачной статьи *Pacta conventa* скорѣе всего могла изойти отъ Фридриха. Благодаря совершенно исключительному положенію его посла при русскомъ дворѣ и зачастую переходившей границы дозволенной откровенности съ нимъ Панина, который, какъ видно изъ депешъ, не разъ сообщалъ ему вещи, очевидно долженствовавшія остаться скрытыми, и искалъ покровительства прусскаго короля въ дѣлахъ частныхъ дворскихъ интригъ — благодаря этимъ условіямъ, Фридрихъ зналъ буквально каждый шагъ и каждое слово Екатерины и ея ближайшихъ окружающихъ, тогда какъ другихъ пословъ держали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ двора, французскаго же такъ прямо въ отчужденіи. Австрійскій имѣлъ, правда, связи между придворными, а съ Бестужевымъ былъ даже, если вѣрить Сольмсу, очень интименъ. Но ужъ конечно не съ этимъ другомъ Орловыхъ, предлагавшимъ ей даже вступить въ морганатическое супружество съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ, стала бы Екатерина совѣтоваться насчетъ брака съ Понятовскимъ. Если она вообще съ кѣмъ-нибудь говорила объ этомъ, такъ навѣрное съ однимъ Панинымъ, который въ началѣ, до появленія вопроса о раздѣлѣ Польши, былъ насчетъ польскихъ дѣлъ во всемъ согласенъ съ ней и съ Фридрихомъ. Только отъ Панина же могъ объ этомъ узнать и Сольмсъ, вслѣдствіе чего въ его депешахъ, какъ сказано, проскальзываетъ много намековъ на это обстоятельство, тогда какъ въ депешахъ англійскихъ посланниковъ нѣтъ и самаго малѣйшей тѣни ихъ. Къ тому же около этого самаго времени (близко совпадающаго съ вышеизложенными странными требованіями Панина о деклараціяхъ, передвиженіяхъ войскъ и пр.) русскій посолъ въ Константинополѣ, Обрѣзовъ, доносилъ своему двору о какихъ-то интригахъ и тайныхъ переговорахъ Фридриха съ Портой, которой онъ предлагалъ будто бы оборонительный союзъ съ нимъ. Фридрихъ, разумѣется, рѣшительно отрицалъ все это, увѣрялъ, что Обрѣзовъ былъ введенъ въ заблужденіе интригами австрійцевъ и, наконецъ, рѣзко замѣтилъ, что еслибъ и такъ, то чисто оборонительный союзъ никому вреда причинить не можетъ, а Россіи было бы даже выгодно видѣть Порту союзницей Пруссіи, такъ какъ это отвлекло бы ее отъ союза съ австрійскимъ домомъ.

Какъ бы то ни было, только Порта, сначала очень охотно согласившаяся на избраніе Пяста въ лицѣ Понятовскаго въ польскіе короли, внезапно почувствовала себя обезпеченной возможностью въ будущемъ личной уніи Польши съ Россіей, путемъ